

Погремушки цикад

Петровац

НА ПАЛЬМОВЫХ ногах слоновых

И с лысиной в чешуйках рыжих,
Увенчаной кудрями сосен
И лентами из бугенвилей,
Прижался к морю Петровац.

В терапевтических палатах
Крик воробьев: «чирив-чив-чи»,
И лимфатические чада
Несут лечиться москвичи.
И бронзовеют до закатов
В адриатических накатах,
В соленой голубой броне
Июль разлегся на волне.

Два острова глядят на берег,
И камни гладкие молчат
И слышат колокольный град:
Среди капризов и истерик
Звонят, звонят, звонят, звонят.

Остров sveta nedelja¹

Двое мы — други заснули на дне твоём.
Звоню Воскресенье о зле твоём,
о благе твоём.

Старинная черногорская песня

КОРАБЛИК со стеклянным дном

Показывает дно.
И мы идем с тобой на нем,
И будто заодно —
На остров, где ступеней скрут —
Наверх, наверх, наверх,
Где нам часовню распахнут,
Закрытую для всех.
И ты в свои неполных пять
Зайдешь в прохладный дом
И сможешь божества набрать
Младенческим крестом.
Летит бетонный серпантин —
Ступеней слабина —
И видно дно, и ты — один,
И моря глубина.

¹ Святое Воскресенье (*черног.*)

* * *

СТАРЕЮЩЕЙ оливы ствол,
Как сеть рыбацкая, прозрачен,
Но корень, как упрямый вол,
Буравит землю сух и гол —
Водоношенью предназначен.
А рядом плещется залив.
Зажатый в каменистом створе,
Он рвется к суше, тороплив:
Как мелкие плоды оливок,
Бутылочные слезы моря.

* * *

ОБЛАКА не выносят жары,
Пробираясь к Скадарскому лону
По ночам,
Затирая миры
Лунных слез, разметавшихся по небосклону:
вот не сохнут, хотя и стары.
А Скадарское озеро втиснуто в горы,
Там кувшинки привстали на толстых ногах,
В их прибрежных полях одноногие цапли
Стерегут и считают бесчисленные капли,
Длинноклювые головы к небу задрав;
Молодые форели проносятся в сальто;
Острокрылые чигры находят малька;
И в воде, отражающей пики базальта,
Могут видеть себя облака.

Монтенегро

ПЕРВЫЙ ЗВОН колокольный
Узором ласточек на ветерке,
У Святого Ильи намоленный
На черногором
Родственном языке:
И не чугуном давит да на тебя катится,
А за подол не схватишь легкое платьице;
Дорожное полотно выметают чисточи,
Рослая черногорка
Шагает — как под гору — в гору,
Овощей разноцветье и рыбу
Несет в шуршащем пакете;
И за рыбным прилавком
В драке короткой
Делят коты требуху;
Бойко с купанья бежит
С тяжелою влажною гривой
Дева янтарная:
Согнуты локти,

Белое платье прилипло,
Темнеют набухшие груди —
В слух превратилась.
Каждое дерево — погремушка цикад,
Не город, а рождество:
Лимоны желтыми фонарями,
Гроздьями виноград,
Пальмовые листья машут в ряд,
И немыслимо здесь вдовство.

Сдвинулось утро —
Черногорую шубу жары
Надевает июль,
Белый кончик хвоста прилива,
В желтом ободке гальки зрачки.
В сувенирной лавке
Магнетики и значки:
«Монтенегро»,
Куличиками детства колокола
В стране великанов,
Ярче русского снега
Сверкает в коже черногорцев сосен смола.
Все у них длинное:
Тело,
Конечности,
Местные кошки,
Море
И воробьи;
И сразу видно,
Кто здесь живет,
А кто отдыхает и лечится,
Но все — свои.

И сереет жара, и оживает мех.
Убегает лис и был таков.
По-деревенски из шлангов
Заливают огни цветников,
И полночи колышется смех.

Бóка Кóторский

У БÓКИ КÓТОРСКОГО тишина,
Даже когда Адриатика — бóка,
И с бóку на бок переваливается волна, —
Бóка лежит на бокú — под щёку рúку.
В царстве Бóки что ни год — то покой,
Что ни городишко — с набережной
воду возьмешь рукой,
Подданные его — вышивающие жены да моряки,
Дети, высохшие старухи
Да пьющие ráкию старики.
Женщины золотом вышивают и серебром,
Собственным волосом,

Если долго нет хозяина за столом:
Волосы Марии — черным, а Младенца — белым
(Долго бывает ждут — в этом дело).
А вернутся мужчины — разговорам нет сноса,
И самый частый про Богородицу Утеса.
Ведь в крушении
каждая глотка скрипела:
«Gospa od Skrpjela¹,
Спаси, вынеси!
Из серебра подношение
Сделаю...».
Море разливается вширь,
Не вертится,
И стены дома Ее серебряными пластинами
светятся.
И парит над Ее рукой
Первенец,
И над головой у них золотой моря венец.
Правой рукой Младенец крестит
Тех, кто на месте;
А в левой свиток сжат,
И пропавшие там лежат.
Спит Бóка Кóторский кверху пузом,
Лодки идут к Утесу с тяжелым грузом:
Мужчины идут,
Песни поют,
Камни в основанье Утеса кладут.

Голубая пещера

РАЗДЫШАЛОСЬ МОРЕ — пушечная пальба,
Солнце громко медленного верблюда
Караваном злобит;
Свешивается челка с горба,
Пó ветру срывается налипшая пена.
Не зайти кораблику
Ни справа, ни слева в щербатый рот,
Публика ропщет — измена!
А пещера глотает волну, грохочет!
Капитан щурится и хохочет:
«Сами, кто хочет,
Плывите вперед!».

Прыгнули пятеро —
Приутих народ.

А во рту у пещеры зыбучий цветок
То в синий, то в зеленый
Завертывает лепесток,
И горит на нем золотая корона,
И синей с каймой губой
Он глотает пришельцев
И течет, как ток голубой.
И миндалины пухнут,
Полощутся розовой бахромой,
И дыханье жаберное
Возрождает меня немой,
И в глубины зеленой завязи
Плавник молодой грудной
Прорастает, и в ответ — основной, спинной.
И лоснится над нами водная толщина,
И чем толще она, тем царственной тишина,
В ней китихи перекрикиваются длинно,
И цветок оказывается пуповиной:
Ты плывешь в животе
И сосешь палец большой,
В полноте,
В немоте,
Полный любви, в остальном, пустой.

Но кричат издалёка, с того света:

«Где же ты, где ты?».

И мы отрывались, всплывали
На крик родной,
Выплывали домой,
И слез наших не видали.

И выстуживалось море,
Выпроваживало на север,
И жались на кораблике пятеро,
С остальными — в ссоре,
Перебирали пальцами невидимый клевер
И плели венки, и шептали, как божьей матери,
«Не могу рассказать...».
И нам верили.

¹ Богородица Утеса (*черног.*)